

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

**Э. Л.
ДОКТОРОУ**

РЭГТАЙМ

Москва
2017

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д63

E.L. Doctorow
RAGTIME

Copyright © E.L. Doctorow, 1974, 1975

Перевод с английского *В. Аксенова*

Серия «Интеллектуальный бестселлер. Читает весь мир»

Художественное оформление *А. Старикова*

В оформлении переплета использована фотография:

Circa Images / Bridgeman Images / Fotodom.ru

Фото автора © Francesca Magnani

Серия «Культурная классика»

Художественное оформление *Н. Ярусовой*

Доктороу, Э. Л.

Д63 Рэгтайм / Э. Л. Доктороу ; [пер. с англ. В. А. Аксенова]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с.

ISBN 978-5-699-96897-8 (Интеллектуальный бестселлер)

ISBN 978-5-699-96921-0 (Культурная классика)

Великий ретророман, послуживший основой для культового фильма Милоша Формана.

Здесь реальное переплелось с вымышленным, экстраординарное — с обыденным. Чтобы раскрыть в этой удивительно тонкой и остроумной книге истинную душу Америки, Доктороу выбрал важнейший отрезок ее истории — начало XX века, «эру рэгтайма». Он сделал Форда, Моргана, Гудини и других исторических личностей персонажами своего романа, а громкие события и актуальные темы — кирпичиками для строительства фантастичной до абсурда, но при этом абсолютно правдивой семейной саги.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-96897-8
ISBN 978-5-699-96921-0

© Аксенов В., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

*С теплым чувством посвящается
Роз Доктору-Бак*

Не торопись.
Играешь рэгтайм,
Никогда не спеши...

Скотт Джоплин

I

I

В 1902 году Отец построил дом на гребне холма, что на авеню Кругозора, что в Нью-Рошелл, что в штате Нью-Йорк. Трехэтажный, бурый, крытый дранкой, с окнами в нишах, с крыльцом под козырьком, с полосатыми тентами — вот домик. Солнечным июньским днем семейство вступило во владение этим отменным особняком, и даже несколько лет спустя им казалось, что все их дни здесь будут теплыми и ясными, как тот июнь. Лучшую часть своих доходов Отец извлекал из производства флагов, знамен, стягов и других атрибутов патриотизма, включая и фейерверки. На чувство патриотизма в ранние девятисотые можно было положиться. Президентом был Тедди Рузвельт. Население в огромных, по обыкновению, количествах собиралось для общественных вылазок на природу, на ритуал «жареная рыба», на парады, на политические пикники, не пренебрегая, однако, и сборищами в театрах, в конференц-залах, дансингах, где угодно. Похоже, не было ни одного мероприятия, на которое не слетались бы несметные рои народу. Поезда, пароходы и трамваи исправно перевозили публику с

места на место. Таков был стиль, таков образ жизни. Дамы были гораздо основательнее тогда. С белыми зонтиками в руках они визитировали флот. Летом все носили белое. Тяжеленные теннисные ракетки были эллипсоидными. Отмечалось немало обмороков на любовной почве. Однако — никаких негров. Никаких иммигрантов. В воскресенье пополудни, а именно после обеда, Отец и Мать пошли наверх и закрылись в спальне. На диване в гостиной Дед как был, так и заснул. На крыльце устроился Малыш в матроске — сидя там, он успешно отмахивался от мух. У подножия холма Младший Брат Матери скакнул в трамвай и поехал к концу линии. Этот одинокий и отрешенный молодой человек со светлыми усиками будто бы нарочно был придуман для самотерзаний. В конце линии поджидало его пустое поле высокой болотной травы. Соленый воздух. Младший Брат, облаченный в белый костюм и непременно канотье, закатал брюки и пошел босиком по соленой слякоти. Вспугивал морских пернатых. Это было то время в нашей истории, когда Уинслоу Хомер продуцировал свою живопись. Особое освещение еще присутствовало тогда вдоль Восточного побережья. Хомер писал этот свет. Тяжелая нудноватая угроза холодно поблескивала на скалах и мелях Новой Англии. Необъяснимые кораблекрушения, смелые спасательные буксировки. Странноватые дела на маяках и в лачугах, гнездящихся в прибрежных сливовых зарослях. По всей Америке открыто гуляли секс и смерть. Женщины очертя голову умирали в ознобе экстаза. Богатеи подку-

пали репортеров, чтобы скрыть свои делишки. Журналы надо было читать между строк, что и делалось. Газеты в Нью-Йорке увлеченно занимались убийством знаменитого архитектора Стэнфорда Уайта. Убийца Гарри Кэй Фсоу, эксцентрический отпрыск железнодорожных властелинов, был мужем общепризнанной красавицы Эвелин Несбит, которая когда-то была любовницей жертвы. Роковая стрельба имела место в саду на крыше Медисон-сквер-гарден, впечатляющего здания длиной в целый квартал — желтый кирпич и терракота, — которое Уайт как раз сам и разработал в севильском стиле. Там как раз происходила премьера ревю «Мамзель Шампань», и, как только хор запел и затанцевал, эксцентрический отпрыск, одетый по случаю летней ночи в зимнее пальто, вытащил пистолет и трижды выстрелил знаменитому архитектору в голову. На крыше. Крики ужаса. Эвелин мгновенно и полностью отключилась. Она стала известнейшей натурщицей уже к пятнадцатилетнему возрасту. Нижнее белье белое. Муж взял себе в привычку пороть ее. Однажды ей случилось повстречаться с Эммой Голдмен, революционеркой. Та бичевала ее своим огненным языком. Очевидно, все же были негры уже. Были все ж таки иммигранты же. И хотя газеты трубили о Преступлении Века, Голдмен знала, что шел только 1906-й и впереди у нас было девяносто четыре года.

Младший Брат Матери был влюблен в Эвелин Несбит. Он пристально следил за скандалом, окружавшим ее имя, и полагал, что после смерти любовника и ареста мужа удивительное создание

нуждается во внимании безденежного, но благородного молодого человека из средних классов. Он замкнулся на этой идее. Он отчаялся. В комнате его приколот был к стенке вырезанный из газеты рисунок Чарльза Дейна Гибсона, названный «Вечный вопрос». На нем была представлена Эвелин в профиль, в избытке ее волос, причем одна прядь падала, принимая форму перевернутого вопросительного знака. Упавший завиток затенял ее бровь и украшал потупленный глазик. Носик слегка вздернут. Губки чуть-чуть надуты. Длинная шея изгибалась словно птица, поднимающая крылья. Эвелин Несбит была причиной смерти одного и крушения другого, но не было ничего стоящего в жизни, кроме объятия ее тонких рук — о да!

Послеполуденная голубая дымка. Прилившая вода просачивалась в его следы. Он нагнулся и поднял чудесную раковину, необычную для западного Лонг-Айленда. Она была розовая и янтарная, спирально закрученная в виде муфты. Соль подсыхала на его лодыжках, он стоял в солнечной дымке и, запрокинув голову, глотал морскую воду из этой раковины. Чайки вились над головой, трубя, как гобои, а за его спиной, скрытый высокой травой, предостерегающе звонил на Северной авеню трамвай.

На другом конце городка Малыш в матроске, вдруг потеряв покой, взялся измерять длину крыльца. Разумеется, пошло в оборот плетеное кресло-качалка. Малыш был в зените детской мудрости, которая никогда не предполагается взрослыми и, стало быть, проходит нераспознан-

ной. Широчайшие познания он черпал в ежедневных газетах и постоянно следил за дискуссией между профессиональными бейсболистами и ученым, который объявил крученую подачу оптической иллюзией. Он чувствовал, что обстоятельства семейной жизни препятствуют его тяге к познанию. Вот, например, он возымел невероятный интерес к артисту-эскейписту Гарри Гудини. И что же? Его ни разу еще не взяли на представление. Гудини был гвоздем всех главных водеvilных программ. Аудитория его — дети, носильщики, уличные торговцы, полицейские — словом, плебс. Жизнь его — абсурд. По всему миру его заключали в разного рода путы и узилища, и он убегал отовсюду. Привязан веревкой к столу. Убежал. Прикован цепью к лестнице. Убежал. Заключен в наручники и кандалы, завязан в смирительную рубашку, заперт в шкаф. Убежал. Он убегал из подвалов банка, заколоченных бочек, зашитых почтовых мешков, из цинковой упаковки пианино Кнабе, из гигантского футбольного мяча, из гальванического котла, из письменного бюро, из колбасной кожеры. Все его побеги были таинственны, ибо он никогда не взламывал своих узилищ и даже не оставлял их открытыми. Занавес взлетал, и он оказывался, всклокоченный, но торжествующий, рядом с тем, в чем предположительно он только что содержался. Он махал толпе. Он освободился из молочного бидона, наполненного водой, из русского тюремного вагона, сбежал с китайской пыточной дыбы, из гамбургской тюрьмы, с английского тюремного корабля, из бостонской тюрьмы. Его

приковывали к автомобильным колесам, паровым колесам, пушкам — и он освобождался. Он нырял в наручниках с моста в Миссисипи, Сену, в Мереей и выныривал, приветствуя народ раскованными руками. В смиренной рубашке и вниз головой он свисал с кранов, с бипланов, с домов. Он был сброшен в океан в водолажном костюме с полным снаряжением, но без воздушного шланга. Убежал. Он был похоронен заживо, но на этот раз не смог освободиться, пришлось его спасать. Земля слишком тяжела, сказал он задыхаясь. Ногти кровоточили. Глаза забиты землей. В нем не было ни кровинки, он не держался на ногах. Помощник вытаскивал его. Гудини хрипел и бессвязно бормотал. И кашлял кровью. Его отпустили и отвезли в отель. Сейчас, через пятьдесят лет после его смерти, аудитория у подобных эскапад еще больше увеличилась.

Малыш на крыльце взирал на майскую муху, что пересекала навес таким образом, словно это путь на холм с Северной авеню. Муха улетела. С Северной авеню на холм поднимался автомобиль. Ближе, ближе и оказался не чем иным, как 45-сильным «Поп-Толидо Ранэбаут». Малыш сбежал по ступеням крыльца. Производя сильный шум, машина прошла мимо дома и отклонилась прямоком в телефонный столб. Малыш побежал в дом и воззвал наверх к родителям. Для начала проснулся Дед. Малыш побежал обратно на крыльцо. Шофер и пассажир стояли на улице, разглядывая машину. Большие колеса с пневматическими шинами и деревянными спицами, покрытыми черной эмалью. Медные фары перед

радиатором и медные боковые лампы на крыльях. Обивка с кисточками и дверцы с каждой стороны. Никаких повреждений не замечалось. Шофер был в ливрее. Он поднял крышку капота. Гейзер белого дыма вырвался с дивным шипением.

Кое-кто поглядывал из ближних дворов. Однако Отец, прилаживая цепочку на жилете, уже спускался посмотреть, чем он может помочь. Владельцем машины оказался Гарри Гудини, знаменитый эскейпист. Он проводил день, путешествуя через Вустер и размышляя о покупке какой-нибудь собственности. Его пригласили в дом, пока радиатор охлаждался. Он удивил всех своими скромными, едва ли не занудными манерами. Он выглядел подавленным. Так оно, между прочим, и было: его успехи привлекли в водевиль сонмы конкурентов, и, следовательно, ему приходилось выдумывать все больше и больше опасных трюков. Невысокий, ладно скроенный и очевиднейший атлет: мускулы спины и рук более чем отчетливо определялись под твидовым костюмом, тоже скроенным весьма неплохо, хотя и несколько неуместным в этот жаркий день. Ртуть подбиралась к 90 (Фаренгейта). У него были жесткие, непослушные волосы, разделенные посредине на пробор, и чистые голубые глаза, которые двигались без усталости. Он был чрезвычайно почитаем к Матери и Отцу и говорил о своей профессии с некоторой неуверенностью, что их приятно поразило. Малыш пожирал его глазами. Мать велела подать лимонад. Гудини оценил это

чрезвычайно. В гостиной было прохладно благодаря парусиновым навесам над окнами, да и сами окна были закрыты, чтобы не впускать жару. У Гудини возникло поползновение отстегнуть еще и воротничок, но он чувствовал себя здесь как бы в плену этой тяжелой квадратной мебели, драпировок и темных ковров, восточных шелков и абажуров зеленого стекла. Шкура зебры к тому же. Заметив взгляд Гудини, Отец мимоходом сообщил, что застрелил эту зебру на сафари в Африке. У Отца была весьма значительная репутация исследователя-любителя. В прошлом он имел честь быть президентом Нью-Йоркского клуба исследователей, куда вносил ежегодно лепту. В самом деле, через несколько дней он отбывал из дома, чтобы нести флаг своего клуба в третью арктическую экспедицию commodора Пири. «Значит, вы собираетесь с Пири на полюс?» — спросил Гудини. «С божьей помощью», — ответил Отец, после чего сел в свое кресло и закурил сигару. Гудини чрезвычайно оживился. Он вышагивал взад-вперед и говорил о собственных приключениях, о турне по Европе. «Однако полюс! — воскликнул он. — Это нечто! Вы, должно быть, в полном порядке, если вас выбрали для этого». Голубые его глаза обратились к Матери. «Поддерживать домашний очаг тоже не очень-то легкое бремя», — сказал он. Не лишен шарма, нет-нет. Он улынулся, и Мать, крупная блондинка, потупилась. Гудини провел еще несколько минут, производя рукой мелкие ловкие фокусы с незначительными предметами,

как бы специально для Малыша. Когда он взялся уходить, вся семья целиком провожала его до дверей. Отец и Дед пожали ему руку. Он прошел по тропинке под большущим кленом и по каменным ступеням спустился на улицу. Шофер ждал, машина была в порядке. Гудини вскарабкался на сиденье рядом с шофером и помахал рукой. Соседи глазели на него со своих дворов. Малыш, сопровождавший волшебника на улицу, теперь стоял перед «Поп-Толи-До», глядя на собственное искаженное, макроцефальное отражение в медной фаре. Гудини подумал: вот пригожий пацанчик, светленький, как его мамочка, кучерявенький, быть бы ему чуть-чуть пожестче. Он перегнулся через дверцу и протянул руку. «До свидания, сынок». — «Предупреди эрцгерцога», — вдруг сказал Малыш. После чего убежал.

2

Так уж случилось, что неожиданный визит Гудини оборвал родительский коитус. Увы, Мать не подавала теперь никаких знаков к возобновлению. Больше того, она ретировалась в сад. Дни проходили, время отъезда Отца приближалось, и он все время ждал с ее стороны молчаливого приглашения в постельку. Жизнь научила его, что любая собственная активность может сорвать все предприятие. У этого кряжистого мужчины были завидные аппетиты, но в то же время он чрезвычайно ценил несклонность жены отвечать его неделикатным потребностям. Тем временем все домашнее хозяйство подготавливалось к отъ-